

Был поздний вечер. Небо над кладбищем «Мирная роща» было темным и мрачным, что отражало мрачное настроение похорон, проходивших под ним. Дождь непрерывно хлестал по скорбящим, но, поскольку они крепко держали зонтики, им не грозило вымокнуть до нитки.

Одетые в черное, скорбящие отличались тревожным единообразием, но в сложившейся атмосфере у каждого из них были свои эмоции на лице. У женщин в процессии были опухшие красные глаза, по бледным лицам текли проливные слезы. Мужчины, пытаясь успокоить своих спутниц и друзей, сохраняли стоическое выражение лица. Священник, отец Монтомгери, читал панихиду с серьезностью в глазах и нахмуренными бровями, однако его тон оставался спокойным и сострадательным. Ему не впервой было отпевать ушедшую душу, чтобы в будущем встретиться со Всемогущим Господом на небесах. Как он хотел бы сказать: «Мы все связаны, как Его дети, как сыновья и дочери».

Мир потерял еще одну добрую душу, преданную и заботливую мать, спасительницу больных и обездоленных, он навсегда потерял Веронику Питерсен. Она была образцовой медсестрой в известной больнице, Нью-Йоркском городском медицинском центре (NYCMC). Ее даже прозвали современной «Флоренс Найтингейл (основатель профессии медицинских сестер и инициатор реформы госпиталей)» за то, с какой глубокой заботой она относилась к своим пациентам. Даже самые проблемные пациенты не могли не заразиться ее добротой и заботой. Однако, несмотря на свой положительный и ангельский характер, она внезапно заболела трудноизлечимой опухолью головного мозга.

Доктор Стивен Стрэндж, успешный и умный нейрохирург, несмотря на свой медицинский опыт и гениальный интеллект, не смог помочь спасти Веронику, коллегу, с которой он работал много лет. С его высокомерием и уверенностью в том, что с большинством медицинских заболеваний он может справиться, смерть Вероники стала для него тяжелым ударом. Это как-то омрачало его безупречную, всезнающую личность. Сжав руки, доктор Стивен Стрэндж опустил взгляд на стоящую рядом с ним красивую женщину со слезами на глазах. В его глазах появилось раскаяние и мягкость, которых раньше там не было.

В отличие от Стрэнджа, доктор Кристина Палмер была эмоциональной и естественной эмпаткой. Она была слишком хорошо знакома с Вероникой. Она была ее близкой подругой, единственным другом, с которым она могла по-настоящему сблизиться в этом забытом богом городе, где люди заботились только о себе. Она не могла поверить, что Вероника оставила ее одну. Почему она должна была быть бесполезной и неспособной помочь ей? Доктор Палмер корила себя, частично виня себя в гибели подруги.

Несмотря на холод, вызванный прохладным дождем, слезы оставались теплыми, непрерывно стекая по покрасневшим щекам. С ее дрожащих губ сорвалась небольшая икота. Ее сердце разрывалось на части, а тело непрерывно дрожало не от холодного ветра, а от снedaющей ее тоски. Она даже не отреагировала, когда длинная рука обхватила ее за плечи, а пальцы попытались легкими прикосновениями успокоить ее и хоть немного развеять печаль. Она одарила Стивена благодарным взглядом за его добрый жест, а затем стала искать кого-то среди скорбящих. Ее темные глаза остановились на широкой привлекательной спине высокого молодого человека, стоящего впереди, прямо перед гробом, который бережно держали нанятые работники.

«Джо».

Имя молодого человека всплыло в ее памяти, и выражение лица немного смягчилось. Она не могла представить, что он сейчас чувствует, но даже на таком коротком расстоянии она инстинктивно слышала его молчание — его механизм преодоления. Джо Питерсен больше всех переживал, ведь хоронили его любимую мать.

Джо Питерсен был довольно высоким для своего возраста молодым человеком, его рост составлял метр девяносто сантиметров, но это было неважно. Важно было то, что он был безумно одарен генами «хорошей внешности». У него были короткие, непокорные черные волосы, которые идеально подчеркивали его привлекательное лицо. Его глаза были глубокого синего цвета, напоминающие об океанских чудесах и мистических аспектах неба. Нос у него был тонкий — даже упрямый, — а губы сочно красные. Пока скорбящие непрерывно горевали, их тихие рыдания звучали как душераздирающая мелодия на заднем плане, они не знали о переменах, происходивших в Джо Питерсене. Новая душа вошла в сосуд и плавно слилась с первоначальной душой Джо Питерсена.

«Ч-что происходит?»

«К-кто я?!»

«Кто все эти люди?!

Различные хаотичные мысли пронеслись в беспорядочном сознании нового жителя. Именно тогда новые воспоминания о его нынешнем сосуде и прошлой жизни начали сливаться воедино, создавая связный мыслительный процесс. Его личность стала очевидной.

«Я — Джо Питерсен, и это тело носит то же имя, что и мое предыдущее. Неужели я только что переселился в свое альтернативное/параллельное "я"?» — удивленно и потрясенно подумал новый Джо, его зрачки слегка расширились от осознания.

«Неужели я эгоистично или непреднамеренно убил этого Джо?» — руки Джо Питерсена задрожали, а на его печальном лице появилось обиженное выражение. Он был обычной душой с Земли и никогда никого не убивал. Можно ли считать трансмиграцию убийством или это естественно — просто занять чье-то тело?

В отличие от того, что он чувствовал с точки зрения читателя, Джо, испытав это на собственном опыте, почувствовал себя ужасно. Он не был настолько жесток, чтобы не признать существование другого человека, даже если это, возможно, его параллельная версия.

«Мы едины».

«Мы стали одним целым».

«Мы — Джо Питерсен».

«Мы оба — ее дети».

«Мы оба потеряли ее».

«Не сомневайся в себе. Ты — это я, а я — это ты».

Словно в ответ на его смятение и вопросы о морали, в его разум вторглись мысли прежнего Джо Питерсена, чтобы уменьшить его беспокойство, и тогда... двое стали одним, окрепшим, возмужавшим, более сильным и потусторонним.

— Я... Джо Питерсен, — с его красных губ сорвался тихий шепот, но звук его голоса заглушили брызги дождя, упавшие на твердую землю.

Невообразимая печаль. Тревога. Злость. Страх. Решимость. Смятение.

Одинокая слеза скатилась с его глаза, и волна эмоций обрушилась на него словно гора, вызвав дрожь в коленях. Он рухнул на землю, его тело не выдержало тяжести его горя, когда гроб с его матерью опустили в свежую могилу.

«Мама, значит, даже в этой вселенной судьба распорядилась так, что ты тоже покинешь меня из-за той же ненавистной болезни».

«Почему судьба так жестока и к тебе, и ко мне?»

«Чем я заслужил это?» — Джо поклонился, ударив кулаками по грязи. Его черный костюм испачкался в грязи, но ему было все равно.

Окружающие скорбящие наблюдали за печальными действиями молодого человека, и его безмолвные крики еще сильнее сжимали их сердца. Некоторые тетушки в толпе усилили свои причитания из-за этой сцены. Несмотря на все это, Джо Питерсен не искал театральных аплодисментов, хотя его действия были слегка преувеличены. Он был искренен в своем горе. Ему было больно. Больно до такой степени, что он чувствовал, как рвется его душа. Его смерть не оставила в нем такого эмоционального беспорядка, как смерть его матери.

Лицо Джо Питерсена, испещренное отчаянием, запрокинулось кверху. Его глаза, лишенные фокуса, наблюдали за тем, как неустанный дождь грязи заполняет пустоту, в которой лежала его мать. Его уши онемели от звуков работающих лопат.

В голове зашевелились воспоминания. Ее беззаботный и нежный смех. Он почти чувствовал, как ее тонкие пальцы ерошат его непокорные волосы. Он слышал ее строгий, но заботливый голос, когда она давала ему советы. Он видел, как она посвятила себя работе в больнице, чтобы оплачивать счета и содержать его обучение. Она была трудолюбивой женщиной, старательной и умной.

— Пусть она обретет покой в объятиях любящего Отца, — скорбным тоном произнес отец Монтгомери. — И из смерти ей будет дарована новая жизнь.

Последние капли влажной черной земли мягко опустились на сверкающее дерево гроба, закрыв могилу.

Это означало окончательный уход Вероники Питерсен. Похороны закончились. Все скорбящие на мгновение подняли глаза к небу, словно в этот момент душа усопшей Вероники действительно возносилась на небеса, и они могли поклясться, что видели проблеск ее всегда сияющей улыбки.

После этого скорбящие двинулись к могиле, чтобы выразить последние искренние соболезнования молодому человеку, только что потерявшему единственного родителя, и разошлись. Вскоре рядом с могилой осталось всего пять человек.

Джо Питерсен медленно поднялся с земли, бормоча беззвучные молитвы за свою мать. Затем, взмахнув рукой, он вытер сопли и слезы и резко вдохнул.

— Ох, Джо... — красивая молодая девушка со светлыми волосами, свободно спадающими на плечи, и грустными зелеными глазами страдальчески вскрикнула, увидев его страдальческое выражение лица. Вокруг нее витала атмосфера приветливости и дружелюбия. Она казалась человеком с легким характером. Ей было еще более больно осознавать, что Джо испытывает сильные мучения.

Она раскинула свои стройные руки и нежно обняла Джо. Обхватив его за шею, она притянула его заплаканное лицо к своему плечу. Ей было все равно, что она с трудом удерживается на его высокой фигуре.

Она не произносила ни слова, позволяя Джо выплеснуть все на нее. Он мог прижаться к ее плечу в любой момент.

Джо уже заметил, кто обнимает его, пытаясь утешить. Это был кто-то такой знакомый и в то же время такой чужой. Он находился в объятиях Гвен Стейси!

Гвен Стейси. Очень важный персонаж во вселенной Марвел, как в комиксах, так и в кино и анимации. Благодаря ее присутствию Джо Питерсен наконец получил общее представление о вселенной, в которой находился. А вот в какой именно версии, он не имел ни малейшего представления. Впрочем, это его несколько не успокаивало, ведь в какой бы версии он ни

оказался, космическая опасность всегда будет нависать над всем миром. Экзистенциальные угрозы, космические ужасы, инопланетные вторжения, безумный титан, путешествующий во времени завоеватель... да мало ли событий, гарантирующих смерть в этой безумной мультивселенной!

И только его нынешнее безграничное горе затмевало чувство срочности и страха.

— Джо... — к обнимающемуся дуэту присоединилась девушка с огненно-рыжими волосами, завязанными спереди черным ободком, и нежно обхватила их своими обнаженными руками. Ее красота была ничуть не меньше, чем у Гвен Стейси.

Мэри Джейн. Имя девушки всплыло в голове Джо, и вопросов стало еще больше.

После того как две прекрасные особы сочли, что достаточно утешили Джо, на него прямо посмотрел худой, но подтянутый парень с красивыми чертами лица.

Глаза парня, казалось, таили в себе чистую, ничем не скрываемую боль. Это было лицо человека, который однажды потерял все, и его жизнь провалилась в канаву, прежде чем он успел пережить чувство вины. Ему было хорошо знакомо страдание; он был в кругу его неизбежности.

— Братан... — Питер заключил Джо в искренние, но неловкие объятия, выражая одновременно сочувствие и солидарность в их общем горе. В этот краткий миг между ними возникло молчаливое понимание, порожденное их общим опытом потери.

Питер Паркер. Так звали парня, который знал о его боли не по наслышке. Не было ни дня покоя, чтобы трагедия не постучалась в его дверь. Так распорядилась Паутина Судьбы.

Похлопав себя по плечу, Питер Паркер отошел назад, поджал губы и собрал всю свою волю, чтобы не разрыдаться прямо здесь и сейчас.

Джо Питерсен кивнул в знак понимания. Что касается Питера Паркера, с которым он общался, то только время покажет. Питер Паркер, стоявший перед ним, выглядел как смесь Эндрю Гарфилда и Питера Паркера из серии игр от Insomniac Games.

— Джо, дорогой, иди сюда, — другая женщина мягко позвала его, но не с жалостью, а с материнской теплотой, как будто обращалась непосредственно к своему сыну. Как ни странно, женщина была не так уж стара, вероятно, ей было около тридцати. В ней чувствовалась зрелость, которая на много миль опережала всех присутствующих более молодых.

Из своих путаных воспоминаний Джо узнал, что она была лучшей подругой его покойной матери. Она была еще одной интересной персоной в оставшемся кругу скорбящих. Не кто иная, как Кристина Палмер. Джо послушно бросился в ее ожидающие объятия, прижавшись

головой к ее пышной груди. Кристина издала печальный смешок, который очень контрастировал с ее заплаканными глазами. Даже в этот момент она выглядела изящно.

Крепко обняв его, она взъерошила его обсидиановые волосы, сделав их еще более дикими. Джо не успел насладиться ее мягким телом, как уловил скрытое раздражение мужчины рядом с Кристи. У него была врожденная высокомерная манера поведения в сочетании с умными серыми глазами. Хотя его лицо не было столь примечательным, как у Кристи, в нем было определенное очарование.

Если бы это не был будущий Верховный колдун во плоти — доктор Стивен Стрэндж, — и он бы не одарил его вонючим взглядом за то, что тот оказался в теплых объятиях Палмер.

Джо знал о Стрэндже больше, чем о себе. Его высокомерие было на уровне Тони Старка, если не больше. Но, похоже, ему еще предстоит потерять свой мир после того несчастного случая, который навсегда изменил его судьбу.

Через несколько минут Кристина неохотно отступила от него.

Небольшой группе, казалось, не было дела до дождя, когда они выражали Джо свои соболезнования. Они были рядом с ним, и что еще ему оставалось делать, кроме как быть благодарным?

«Какое неудачное начало»? — сетовал Джо, когда группа покидала кладбище. Он не знал, что ждет его в будущем. Однако он пообещал себе, пообещал своей умершей матери, что изменит Вселенную. Для своей любящей матери Джо поклялся, по крайней мере, найти лекарство от большинства болезней и принести счастье тем, кто страдает от всех форм рака. Это был не вопрос геройства или гордости.

Это было просто обещание.

В его глазах все еще плескалась грусть, хотя он и пытался ее сдержать, но в нем проснулось новое чувство.

Ему нужна была СИЛА, и ему повезло, что у него были средства для погони за столь абстрактным понятием. Как по команде, в глубине его души проснулось нечто таинственное.

Это было нечто в виде блестящего черного USB-накопителя!